

УДК 141.319.8

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-242-253

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕАТРАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА: ВНУШЕНИЕ И ЕГО СКРЫТЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Рахимова Майя Вильевна

Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского (Челябинск)

Научный интерес статьи лежит в плоскости философской антропологии, — исследования человека как сложной открытой самоорганизующейся системы, где одним из ее составных качеств, предположительно, является театральность. Автор полагает, что театральные техники, применяемые человеком в повседневной жизни, помогают ему приспособиться к жизни в социуме, к другим и к самому себе. Театральность предстает своеобразным механизмом выживания и способом адаптации к внешним и внутренним вызовам. Будучи на виду, этот удивительный механизм социальной коммуникации до сих пор остается некоторым образом сокрытым, исследованным обильно, но фрагментарно. Сложно отследить генезис формирования феномена театральности человека, трудно понять механизм и цель повседневного театрального его поведения. Игра и театральность как феномены тесно переплетены между собой, но не равны друг другу. Игра не предполагает нарушения правил, в то время как «театральный человек» нарушает правила тогда, когда это ему нужно. Среди элементов театральной природы человека можно выделить притворство, представление, манипуляцию, артистизм, хитрость, прагматизм, а также внушение. Внушение предстает как феномен, весьма распространенный в общественной среде. Оно обладает вирусным потенциалом, является своеобразной «психической заразой» для мозга. Театральный человек стремится задействовать внушение для достижения прагматических целей, в связи с чем сама театральная природа приобретает вирусный потенциал. Размышление о вирусном потенциале внушения («психической заразы») способствует более глубокому анализу вирусного потенциала театральной природы человека, которая не может не опираться на непреодолимую тягу к внушению, понимая и принимая его силу при достижении желаемого.

Ключевые слова: театральный человек, Игра, манипуляция, артистизм, прагматизм, вирус, психическая зараза, мимесис, мем, внушение.

REFLECTIONS ON THE THEATRICAL NATURE OF A HUMAN BEING: SUGGESTION AND ITS HIDDEN POTENTIAL

Maya V. Rakhimova

South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky (Chelyabinsk)

The scientific interest of this work lies in the field of philosophical anthropology — the study of a human being as a complex open self-organizing system, where one of the constituent elements is, presumably, Theatricality. The author believes that theatrical techniques used by a human being in everyday life help him to adapt to the life in society, to others, and to himself. Theatricality appears as a kind of survival mechanism and a way of adapting to external and internal challenges. Being in plain sight, this amazing mechanism of social communication still remains somewhat hidden, studied abundantly but fragmentarily. It is difficult to trace the genesis of the formation of the Homo Theatrical's phenomenon as well as to understand the mechanism and purpose of his everyday theatrical behavior. The Play and Theatricality as phenomena are closely intertwined, but not equal to each other. The Play does not involve breaking the rules, while the Homo Theatrical breaks the rules when he needs it. Among the elements of the theatrical nature of a human being, one can distinguish pretense, representation, manipulation, artistry, cunning,

pragmatism, as well as suggestion. Suggestion appears as a phenomenon that is very common in the social environment. It has a viral potential and represents a kind of «psycho infection» for the brain. A Homo Theatrical strives to use suggestion to achieve pragmatic goals and, therefore, the theatrical nature itself acquires a viral potential. Reflection upon the viral potential of suggestion («psycho infection») contributes to a deeper analysis of the viral potential of the theatrical nature of a human being, which cannot but rely on an irresistible craving for suggestion, understanding the power of the influence of suggestion in achieving the desired.

Keywords: Homo Theatrical, the Play, manipulation, artistry, pragmatism, virus, «psycho infection», mimesis, meme, suggestion.

Введение

Есть некоторое весьма устойчивое наблюдение, согласно которому в повседневной практике человек нередко ведет себя театрально, причем часто даже не замечает этого. Для повседневного театрального самовыражения вовсе не обязательно заканчивать театральный вуз, все получается как-то само собой. Иногда очень убедительно, иногда наигранно и манерно, но и в первом, и во втором случаях основа самовыражения сходна, — она, в известной степени, театральна.

Следует сразу уточнить, что в данной работе речь пойдет не о гистрионном (истероидном / театральном) расстройстве личности. Патологический аспект проявления избыточной театрализации в поведении — вопрос отдельной проблемной статьи. Сейчас же хотелось бы сконцентрироваться на размышлении о театральной природе человека и отдельных качествах ее составляющих, в частности, о способности к внушению.

Отдельно отметим, что при всей выпуклости тематики предметная область театроведения не является ведущей для работы, научный интерес которой лежит скорее в плоскости философской антропологии с применением междисциплинарного подхода.

Итак, что мы можем сказать о театральной природе человека, о качествах ее характеризующих, например, о внушении? Можно ли обнаружить во внушении скрытый потенциал, допустим, вирусный как некоторую способность заражать другого либо самого себя идеей, образом, действием, мыслью?

Несколько слов о театральности

Обратимся к работе И. Канта «Антропология с прагматической точки зрения». В разделе «О дозволенной моральной видимости» философ

пишет: «Чем более цивилизованны люди, тем больше они актеры; они внешне выказывают симпатию, уважение к другим, скромность, бескорыстие, хотя этим никого не обманывают, так как всякий другой понимает, что все это неискренне, но очень хорошо, что так принято в мире. В самом деле, благодаря тому что люди играют эту роль, в конце концов добродетели, которые они притворно выказывали в течение долгого времени, мало-помалу могут действительно пробудиться и стать убеждением. Но обмануть обманщика в нас самих, склонность, — значит вновь возвратиться к повиновению закону добродетели; и это не обман, а невинное заблуждение относительно самого себя» [Кант И., 1999, с. 17].

Оставляя за скобками технологии самовоспитания, которые осмысливает Иммануил Кант, признаемся в который раз в некоторой театральной предрасположенности как в общении с людьми, так и в отношении самих себя. Актерские техники, которые человек задействует в повседневности, невольно способствуют формированию феномена человеческой театральности. Что есть театральность?

Под театральностью на данном этапе исследования предлагается понимать сложный самоорганизующийся механизм адаптации человека к внешним и внутренним вызовам. Термин «театральность» представляется удобным, поскольку обозначенный механизм адаптации задействует приемы и навыки, характерные для актерской игры. Речь идет о таких навыках и приемах, как опора на воображение, вера в предлагаемые обстоятельства, память физических действий, навыки воздействия, внушения, манипуляции, притворства, навыки выразительной жестикуляции, декламации.

Театральность, предположительно, есть элемент психической природы человека с ярко выраженной социальной, коммуникативной,

социокультурной направленностью. Театральная природа проявляет себя в мышлении, поведении, действиях, направленных на выживание и преуспевание в общественной среде.

В частности, обращаясь к работам о психике, в том числе к статье «О природе и происхождении психики» В.А. Иванникова, можно найти интересное размышление, во многом приближающее к пониманию глубинной связи феномена театральности и психики.

«Психика — это не только отражение, — пишет автор. — Отражение нужно для управления поведением, а чтобы управлять им на основе психики, надо иметь возможность на основе содержания образов создавать пусковые и регулирующие команды, надо научиться действовать в плане образов так, как действует субъект через различную мышечную активность. Такое умение позволяет субъекту поведения находить новые способы поведения в новых, необычных для него условиях без реальных поведенческих проб. А эта задача требует развития представлений и воображения у субъектов действий, способности решать ими различные приспособительные задачи, т.е. мышления» [Иванников В.А., 2015, с. 21].

Еще одна интересная мысль заключается в следующем тезисе: «Природная психика становится составляющей приспособительной деятельности живого существа (ее субъективным звеном или операцией), поэтому ее содержание и функционирование определяется задачами деятельности (И.М. Сеченов, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн). В.П. Зинченко (Зинченко, 2011) отмечает, что в исследованиях П.Я. Гальперина убедительно показано, что психика находится “внутри” действия. Этим подтверждается позиция И.М. Сеченова и раскрывается положение С.Л. Рубинштейна о единстве психики и деятельности» [Иванников В.А., 2015, с. 21].

Приспособительная деятельность, как видно, вряд ли возможна вне инструментария природной психики, равно как представление и воображение.

В свою очередь, механизм театрального приспособления немислим вне воображаемого мира в человеке, доверяя ему, потребности в нем, его активного участия в принятии решений (интенциональных, физических, мысленных). Виртуальный мир, мир воображения, мир

образов (мир психики) играет большую роль и выполняет целый ряд функций терапевтического, компенсаторного, регулятивного порядка.

Как представляется, театральная природа человека опирается на вполне предсказуемый и наблюдаемый на практике инструментарий. Например, она вряд ли возможна вне воображения и фантазии, вне виртуальных внутренних состояний человека. Можно предположить, что театральный человек, оперируя игровыми технологиями, способен добиваться вполне прагматичного результата; он в известной степени свободен от правил и обладает способностью к манипуляции и симуляции.

Одним из качеств, характерных театральности, является также внушение и самовнушение, точнее, тяга, стремление для достижения определенной цели внушать что-либо кому-либо с опорой на представление, артистическую демонстрацию информации, в некотором смысле обманывая собеседника.

И «природа мудро внедрила в человека склонность охотно поддаваться обману...», и цели обмана предполагаются благие: спасти добродетель или хотя бы направлять к ней [Кант И., 1999, с. 18].

Как жаль, что на практике стремление к всеобщей добродетели, пусть и с помощью мудрой природной предрасположенности к обману, уступает место хищным техникам личного выживания, когда с помощью театральных средств выразительности человек, преследуя исключительно свой интерес, настойчиво навязывает точку зрения, обманывает сознательно!

Для достижения цели им активно используются жестовые, вербальные манипуляции, лесть, притворство, причем сам человек не обязательно отдает себе отчет в манипуляционном размахе, который использует. Вспомним здесь, что человек театрален не только по отношению к окружающим. Он театрален по отношению к самому себе и зачастую имеет дело с собой придуманным, сочиненным. Значит, он навязывает определенные представления, образы и самому себе. Как же он это делает?

Игровой потенциал театральности

Театральность и Игра тесно переплетены между собой как феномены. Об Игре, о косвенной связи игрового и драматического начал писали

многие (Е. Финк, Н. Евреинов, Р. Кайуа, Э. Берн и, конечно, Й. Хейзинга).

Игра довольно часто мыслится глобальным всеобъемлющим феноменом. Так, согласно Е. Финку: «Игра охватывает всю человеческую жизнь до самого основания, овладевает ею и существенным образом определяет бытийный склад человека, а также способ понимания бытия человеком. Она пронизывает другие основные феномены человеческого существования, будучи неразрывно переплетенной и скрепленной с ними. Игра есть исключительная возможность человеческого бытия. Играть может только человек. Ни животное, ни бог играть не могут» [Финк Е., 2017, с. 338].

В то же время Николай Евреинов больше размышляет не об Игре собственно, а о театрализации жизни, которая предстает как «философская концепция, объясняющая человеческую природу, принципы мироустройства и — подобно многим значительным модернистским программам — пути дальнейшей эволюции человечества. Главный принцип театрализации жизни, принцип театра для себя — *не быть самим собой*, создать маску, стать другим».

Что же касается силы Игры (театра как вида искусства), то «главный принцип театра, вырастающего из общечеловеческой театральности, театра как такового — *стать самим собой*, реализовать то, что скрыто в человеческой природе. Игра — лишь способ прийти к полной реализации творческого начала. Можно сказать, что в театре как таковом происходит снятие маски» [Евреинов Н.Н., 2002, с. 17].

Словно объединяя полярные позиции, в работе «*Homo Ludens*» Й. Хейзинга пишет, что «благодаря череде имен от Шекспира до Кальдерона и Расина драма главенствовала во всей поэзии столетия. Каждый поэт, в свою очередь, сравнивал мир с театром, где всякий играет свою роль. Таким образом, казалось, игровой характер культурной жизни признан всеми безоговорочно» [Хейзинга Й., 2004, с. 19–20].

Далее автор предлагает пристальнее всмотреться в сущность сравнения жизни и театральных подмостков и увидеть нравоучительную тенденцию, выделенную поэтами, тогда как сам Хейзинга ставит целью разобраться в самой сути игры, в ее чистом, подлинном «бытии» как культурного явления.

Что ж? Тем интереснее искать со-зависимость двух начал, одно из которых, вероятнее всего, старше другого, — речь идет об игровом начале, которое, как пишет Й. Хейзинга, — «старше самой культуры» [Хейзинга Й., 2004, с. 13].

Опираясь на понимание сложносочиненной природы игры и вспоминая о тесной связи игры и театральности, следует напомнить, что театральность активно формируется и трансформируется непосредственно в сфере культуры, среди людей. И Игра значительно помогает как в становлении межкультурных связей между людьми, так и в развитии театральных техник, ими используемых.

Уже на ранних этапах развития культуры можно заметить, как при повседневной коммуникации между соплеменниками невольно приводятся в действие театральные механизмы (увещевания, внушения), как артистические техники меняют поведение и отношение соплеменников друг к другу. От театральных сценок, на одном дыхании устраиваемых соплеменниками друг другу (мужчинами, женщинами, стариками и т.д.), когда не хочется делать то, что требуется, до, наоборот, сценок, когда нужно склонить общественную среду сделать то, что нужно.

Развитие социальной среды не может не отражаться на развитии психики. Вячеслав Андреевич Иванников пишет по этому поводу следующее: «Становление человека как социального существа меняет статус психики. Психика человека не столько адаптирует его к наличным условиям жизни, сколько конструирует новые способы, новые средства и новые условия жизни, влияющие не только на человека, но и на жизнь многих видов живых существ (то, что К. Маркс называл исторической природой)» [Иванников В.А., 2015, с. 21–22].

Как представляется, новые способы, новые условия и новые средства зачастую носят красочный демонстрационный характер, свидетельствующий об их творческом происхождении и потенциале (игровом и театральном).

Поиск сходств и различий театрального и игрового начал, в свою очередь, приводит к мысли о том, что театральный человек гораздо чаще использует игру, но не играет по-настоящему, с полной отдачей и самозабвением.

Вспомним, как писал Йохан Хейзинга о природе игры: «Игра есть добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознанием “иного бытия”, нежели “обыденная” жизнь» [Хейзинга Й., 2004, с. 56].

Театральное поведение человека свидетельствует о том, что он способен менять правила по ходу игры, способен манипулировать ими, когда нужно добиться конкретного результата. Вряд ли это совпадает с игровой деятельностью в ее чистом виде. Действия человека театрального часто носят корыстный прагматичный характер, и если для достижения цели потребуются задействовать хитрость, обман, притворство, человек применит их [Rakhimova M.V., 2021, p. 46].

В то же время Й. Хейзинга пишет об игре: «...использование хитрости и обмана со всей очевидностью ломает игру и отменяет игровой характер соревнования. Соблюдение правил игры сущностно необходимо» [Хейзинга Й., 2004, с. 93].

Получается, что при определенных сходных характеристиках театральность и игра имеют и нечто, глубоко отличающее их друг от друга. Возможно, одним из отличительных качеств как раз и является внушение.

Несколько слов о внушении

Для характеристики внушения представляется интересным обратиться к работе «Внушение и его роль в общественной жизни» русского психиатра, невропатолога, физиолога и психолога, Владимира Михайловича Бехтерева.

Автор книги обращает внимание на внушение как на важный фактор общественной жизни в принципе и потому отстаивает необходимость исследования «внушения» как междисциплинарного объекта не только со стороны врачей, но и всех вообще лиц, изучающих условия общественной жизни и законы ее проявления. Бехтерев пишет о внушении как о мощном явлении, более широком, нежели собственно гипнотическое внушение, поскольку «оно проявляется и в бодрственном состоянии, в жизни наблюдается везде и всюду, при различных условиях» [Бехтерев В.М., 1908, с. 2].

Опираясь на профессиональный опыт, В.М. Бехтерев приходит к выводу, что «внушать — значит более или менее непосредственно прививать к психической сфере другого лица идеи, чувства, эмоции и другие психофизические состояния, иначе говоря, воздействовать так, чтобы по возможности не было места критике и суждению; под внушением же следует понимать непосредственное прививание к психической сфере данного лица идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний, помимо его “я”, то есть в обход его самосознающей и критикующей личности» [Бехтерев В.М., 1908, с. 16].

Как автор характеризует саму природу «внушения»? Он полагает, что природа внушения имеет вирусный характер: «В настоящую пору так много вообще говорят о физической заразе при посредстве “живого контагия” (*contagium vivum*) или т.н. микробов, что, на мой взгляд, нелишне вспомнить и о “психическом контагии” (*contagium psychicum*), приводящем к психической заразе» [Бехтерев В.М., 1908, с. 1].

«Психическая зараза» передается через слова и жесты, движения окружающих лиц, через книги, газеты. Одним словом, по Бехтереву, в обществе мы в принципе подвергаемся действию «психических» сил (микробов) и потому находимся в опасности быть психически зараженными.

Для того чтобы «психически» заразиться, хватит одной расслабленности внимания, некоторой рассеянности со стороны человека, некритического подхода к получаемой извне информации. Особенно быстрым может быть заражение, когда «зараза» в своих целях использует такие театральные приемы, как манипуляция, представление, яркие «жесты». Так «психические заразные» силы внушают нам что-либо (идею, образ, мысли), и человек становится носителем внушенных состояний.

В качестве небольшого отступления, впрочем, лишь подтверждающего специфику и всемогущество внушения, следует вспомнить о мимикрии и ее невероятных способностях к симуляции. В книге «Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры» Роже Кайуа обращает наше внимание на инструмент симуляции, упоминая его силу над позвоночными, у которых тенденция к симуляции проявляется,

прежде всего, в чисто физической, почти непреодолимой заразительности (зевание, бег, оскал и так далее). Сами того не подозревая, животные повторяют наблюдаемое ими действие другого животного, так как оно несет в себе потенциал заразительности (зевают вслед за ним, бегут, ускоряя ход, оскаливаются).

Другое дело, что заразительность и подражание, по мнению Р. Кайуа, — это еще не настоящая симуляция, но они делают ее возможной и порождают идею миметизма, вкус к нему. Следуя упомянутой склонности, птицы ведут свои брачные игры, предполагающие горделиво-церемониальную самодемонстрацию, а остроносые крабы (для тех же целей) водружают себе на панцирь всякую водоросль или полипа. И хотя сложно с уверенностью объяснить эту их способность к маскарраду, сам факт ее не оставляет сомнения [Кайуа Р., 2007, с. 58].

Стоит ли оговаривать, что миметическими способностями с заразительным эффектом обладают не только животные, но и люди?

Чтобы почувствовать себя частью большой игры, вовсе не обязательно застревать исключительно в воображаемой среде. Можно, например, самому стать иллюзорным персонажем и вести себя соответственным образом. Обозначенная модель поведения предполагает целый ряд разнообразных явлений, у которых, однако, общая основа, когда субъект игры думает, убеждает сам себя или других, что он кто-то другой [Кайуа Р., 2007, с. 57].

Приспосабливаясь, трансформируясь, внушая, очень удобно добиваться результата. И заразные инструменты мимикрии в состоянии помочь добиться желаемого.

Скрытый потенциал внушения

В чем заключается скрытый потенциал внушения? Возможно, в его вирусной природе и «сверхспособностях», связанных с вирусными техниками проникновения? Обратим внимание на работу самих вирусов: на что, собственно, они способны?

В работе Александра Анатольевича Смородинцева «Сражение с невидимками, или Борьба за жизнь» автор отмечает, что вирусы не способны размножаться самостоятельно, им нужна подходящая живая клетка, и чтобы «проникнуть» в нее, вирусы присоединяются к особым рецепторам на поверхности таких клеток.

Одни вирусы, обладающие специальным «ферментом проникновения», растворяющим клеточную оболочку, внедряются через такое отверстие внутрь клетки. Другие вирусы клетка поглощает сама, принимая их за съедобный белок [Смородинцев А.А., Смородинцева Е.А., 2011, с. 30].

И вот когда вирус «попал» внутрь клетки, происходит невероятное событие — он исчезает. Ученые назвали эту стадию размножения «эклипсом», что в переводе на русский язык значит «затмение». В клетке не удастся обнаружить ни самой вирусной частицы, ни отдельных ее компонентов. В стадии «эклипса» вирусная частица распадается на белки и нуклеиновую кислоту (наследственное вещество вируса).

Такое «раздевание» вируса производит сама клетка с помощью своих ферментов, «надеясь» использовать вирусные белки в качестве пищи, необходимой для построения собственных компонентов. Как представляется, клетка не подозревает о наличии агрессивных намерений со стороны «пришельца» и, более того, расположено доброжелательно, не критично, рассеянно.

Однако освободившаяся нуклеиновая кислота вируса начинает действовать внутри клетки, как агрессор: в интересах вируса она подавляет сигналы от собственных нуклеиновых кислот. Весь процесс синтеза белков и других веществ, необходимых для жизнедеятельности клетки, останавливается. Теперь уже вирус, используя синтезирующие системы самой клетки, «заставляет» ее производить все необходимое для появления многих тысяч новых потомков [Смородинцев А.А., Смородинцева Е.А., 2011, с. 31].

Мы видим, что вирус ведет себя вполне продуманно, у него есть цель, и для реализации задуманного он способен на целый ряд манипуляций, предполагающих обман, притворство, хитрость, представление, мимикрию.

Когда вирусы атакуют человека, они внедряются через те «входные ворота», где могут быстро найти подходящие клетки [Смородинцев А.А., Смородинцева Е.А., 2011, с. 31]. Следовательно, вирус умеет искать слабые места, распознавать их, просчитывать ситуации и т.д.

Почему клетка пропускает «вирус»? Потому что не ожидает подвоха и потому, что вирус «обладает» набором знаний — действий, расчи-

таных на сокрытие подлинной информации о себе, и умелым притворством.

Обратимся теперь к работе Бориса Сидиса «Психология внушения», в которой ученый размышляет о природе внушения и подразумевает под таковым явления (идеи, образы), способные внезапно вторгнуться в сознание и стать частью потока мысли. Причем, по Б. Сидису, внушение воспринимается субъектом без критики и выполняется почти автоматически [Сидис Б., 1902, с. 2].

Борис Сидис замечает во внушении фактор преодоления, обхода противодействия субъекта. Внушенная идея насильно вводится в поток сознания, она нечто чуждое, нежеланный гость, паразит, от которого сознание субъекта стремится избавиться. Поток сознания индивидуума борется с внушаемыми идеями, как организм с бактериями, стремящимися разрушить устойчивость равновесия. Так представление пытается навязать себя мозгу [Бехтерев В.М., 1908, с. 5].

Сидис приводит примечательный пример того, как работает общественное внушение, заражая собой коллектив: «Среди улицы на площади, на тротуаре останавливается торговец и начинает изливать целые потоки болтовни, льстя публике и восхваляя свой товар. Любопытство прохожих возбуждено: они останавливаются. Скоро наш герой становится центром толпы, которая тупо глазееет на “чудесные” предметы, выставленные ей на удивление. Еще несколько минут — и толпа начинает покупать вещи, про которые торговец внушает, что они “прекрасные, дешевые”» [Сидис Б., 1902, с. 10].

Тем не менее Бехтерев не согласен с однозначной позицией навязывания, только «насильственного» фактора, подмеченного Сидисом. Бехтерев периодически напоминает о латентном, пассивном внушении, которое повсеместно встречается в общественном пространстве, а также ищет сущность внушения не в тех или иных внешних особенностях, а в особом отношении внушенного к «я» субъекта во время восприятия внушения и его осуществления [Бехтерев В.М., 1908, с. 7–8].

Он говорит о невольном внушении, производимом при естественном общении, и приводит пример «магического влияния при появлении в скупающем обществе какого-нибудь од-

ного веселого господина. Все тотчас же невольно, не замечая того сами, заражаются его весельем, приободряются духом. В свою очередь, оживление общества действует заразительно и на самого весельчака» [Бехтерев В.М., 1908, с. 37].

На вопрос, каким способом прививаются идеи и психические состояния других лиц, Бехтерев предполагает, что прививание происходит при посредстве органов чувств (слуха, зрения, мимики, жеста, осязательного, мышечного чувства) [Бехтерев В.М., 1908, с. 42–43].

В книге «Эгоистичный ген» Ричард Докинз затрагивает проблематику вирусного потенциала, имеющего место быть в культуре. Он предполагает, что передача культурного наследия аналогична генетической передаче [Докинз Р., 2016, с. 291].

Согласно Докинзу, успешный репликатор нуждается в плодовитости (плодовитости), долговечности (способной поддерживать себя в течение нескольких поколений в течение долгого времени) и точности копирования (верной в точном копировании исходной информации). Пока выполняются все три условия, репликатор будет продолжать размножаться сам, будь то ген, мем или какой-то другой, еще не артикулированный репликатор [Mick-Evans K., 2019].

И равно, как гены являются репликаторами, репликаторами являются и «мемы» — условные единицы информации культуры, культурного наследия.

Примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов и яйцеклеток, мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией [Докинз Р., 2016, с. 295].

Мемы можно рассматривать как живые структуры не только в метафорическом, но и в техническом смысле. Посадив в мой разум плодovitый мем, вы буквально поселили в нем паразита, превратив тем самым разум в носителя, где происходит размножение этого мема, точно так же, как размножается какой-нибудь вирус, ведущий паразитическое существование в генетическом аппарате клетки-хозяина.

Докинз отмечает при этом, что «выживаемость хорошего мема, входящего в мемофонд, обуславливается его большой психологической привлекательностью» [Докинз Р., 2016, с. 295–296].

Подхватив эстафетную палочку важности «меметической» культуры, Дэниел Деннет представил свою версию о роли заразных и привлекательных мемов в культуре, которые часто оказываются опасными и губительными для общества: «Идеи, а не паразиты — вот кем захвачены наши мозги, — говорит философ, — и они инфекционны». Каждый из нас уже носитель тех или иных мемов. На каждом — ответственность за распространяемые мемы и «вирусы», которые они несут в мир. Для Деннета особенно важна выработка человеком и культурой иммунитета к «токсичным идеям» [Деннет Д., 2020].

Это представляется особенно важным, «поскольку мемы одновременно репрезентируют и конструируют социальные представления, и, по крайней мере, в технологическом плане их распространение через национальные границы стало более легким, чем когда-либо, они могут способствовать созданию даже глобальных цифровых культур» [Nissenbaum A., Shifman L., 2018].

Весь этот разговор о вирусном потенциале «мема» как единицы информации культуры, «внушения» как распространенного элемента общественной жизни и «психической заразы» в конечном итоге помогает распознать и вирусный потенциал театральной природы человека, которая не может не опираться на «меметическое» наследие и тягу к внушению — инструменту влияния и достижения желаемого.

В этой связи не лишним будет обозначить, что о мощной психической театральной силе внушения догадывались в глубоко архаические времена, когда профессиональное мастерство знахарей, колдунов и магов способствовало психическому выздоровлению нечаянно или сознательно пораженных «психической заразой» негативного внушения людей.

О «магической» силе колдунов и знахарей, помогающих избавиться от внушения, упоминает и Бехтерев. Однако хотелось бы привести пример из другой литературы, — антропологического плана.

Несколько слов об антропологическом потенциале театральности

В книге О.Ю. Артемовой «Личность и социальные нормы в ранне-первобытной общине (по австралийским этнографическим данным)» есть интересный фрагмент, повествующий о техниках врачевания / исцеления некоторых знахарей и колдунов.

Автор отмечает, что наряду с исполнением определенных обрядов, направленных на достижение тех или иных конкретных целей, во многих племенах одной из функций знахарей «широкого профиля» являлась публичная демонстрация своих экстраординарных способностей во время религиозных обрядов или же во время общедоступных ритуалов. В процессе таких сеансов магии знахари, как рассказывают аборигены, ходили по горячим углям, не получая ожогов, извлекали изо рта (иногда из живота) чрезвычайно длинные шнуры, сплетенные из шерсти животных или человеческих волос; таинственным образом на глазах у зрителей исчезали и возникали вновь; сидя или лежа на земле, внезапно начинали подниматься вверх и так «висели» по несколько минут и т.д. [Артемова О.Ю., 1987, с. 145]. Одним словом, вели себя очень ярко, артистично, театрально.

Не каждый ребенок мог стать потенциальным знахарем. У него должен быть особый взгляд. Кроме того, знахаря можно было отличить и по другому признаку: во время кашля изо рта у него должны вылетать мелкие ракушки, считавшиеся магическими предметами [Артемова О.Ю., 1987, с. 147].

Чтобы ракушки правильно и вовремя «вылетали» потенциальные знахари прибегали в том числе и к театральным средствам выразительности. Например, исследователь Трелькельд «спросил собеседника, видел ли кто-нибудь, как кость выходит из конкретного знахаря. Тот ответил, что никому не разрешается присутствовать при этом, знахарь уходит в заросли, где духи помогают ему в извлечении кости» [Артемова О.Ю., 1987, с. 150].

В ряде случаев маги действуют открыто, представляя соплеменникам доказательства своего искусства и применяя разные, порой сложные трюки. Например, трюк с «высасыванием крови» из тела больного. Там, где знахарь сосет кожу, нет ни ранок, ни царапин. Тем не менее он

регулярно сплевывает в специальный сосуд или на плоский камень красную жидкость.

Секрет хитрости — в следующем: знахарь показал «умным людям» белого человека (антропологам-исследователям) маленький острый осколок камня, который во время «лечения» держал во рту и периодически с силой прижимал языком к небу, делая легкие порезы [Артемова О.Ю., 1987, с. 150].

Получается, он знал, кому можно доверить секретную информацию о производимом им обмане, а кому, — нет. Театрализация — для своих (соплеменников), раскрытие секретов фокуса — для «чужих».

Чтобы соплеменники не сомневались в их способностях, колдуны и знахари «сознательно внушали окружающим совсем иное, чем то, что сами думали о происхождении своих способностей, о смысле колдовских или знахарских обрядов, что знали о своей магической деятельности» [Артемова О.Ю., 1987, с. 152].

Ряд исследователей-антропологов (Дж. Беккет, Элькин) называют это явление «благородной фикцией». Очевидно, правильнее было бы называть его предписанной или санкционированной дезинформацией [Артемова О.Ю., 1987, с. 152], которая, впрочем, устраивала всех.

Одним из наиболее распространенных недугов того времени было то, что врачи-психиатры Дж. Коот и М. Кидеон называют традиционной психической болезнью, — особое состояние психики и нервной системы, которому нет прямых аналогов среди нервно-психических состояний представителей западной культуры.

Причиной недуга могли стать сильные нервно-психические потрясения, душевные переживания, соматические заболевания, травма.

В возникновении «традиционного психического заболевания» большую роль играло самовнушение больного, иногда внушение какого-то другого человека [Артемова О.Ю., 1987, с. 154]. Хватало и малой искры (недоброго взгляда, смешка, вздоха), чтобы сомнения и неуверенность закрались в сознание несчастного.

После размышлений, обсуждений его подозрения перерастали в уверенность. И вот человек уже отказывается есть и пить, ничего вокруг себя не замечает, лежит на земле у костра безучастно и недвижимо, устремив взгляд в одну точку. А может быть иначе: бьется в судорогах, отчаянно кричит, рвет на себе волосы; или

же вдруг начинает в каждом ближнем видеть тайного врага, непрерывно от кого-то убегает и прячется, стремится скрыться в лесу. В любом случае существует реальная угроза для жизни [Артемова О.Ю., 1987, с. 154].

Суть знахарского лечения в таких ситуациях (им удавалось вылечить недуг), очевидно, состояла в продуманном воздействии на психику больного [Артемова О.Ю., 1987, с. 154].

Вот одна из историй болезни и исцеления, рассказанная самим болевшим Б. Спенсеру (этносоциальная группа какаду на севере Арнемленда, начало XX в.).

Проснувшись как-то утром, рассказчик, Мукалакки, почувствовал недомогание. Задумавшись над этим, он решил, что пришло время расплаты за совершенное много лет назад нарушение табу (однажды он ел запретное мясо змеи кульоаньо). Живший поблизости знахарь подтвердил такую версию и заключил: «Сегодня ты умрешь!» К вечеру Мукалакки стало совсем плохо: дух кульоаньо «обвил» его тело, «пронзил» голову и время от времени «высывался изо лба, заглядывая прямо в глаза». Все это сопровождалось сильными судорогами, так что нескольким мужчинам пришлось держать Мукалакки за ноги, за руки и за голову.

Сознавая серьезность ситуации и, очевидно, не желая примириться с приговором местного знахаря, родичи больного решили послать за прославленным лекарем из отдаленной группы Морпун. Этот знахарь не замедлил явиться на зов: подобно скорой помощи, 14 миль он шел, а то и бежал, ни разу не отдохнув. Подойдя к лагерю больного, он остановился на некотором расстоянии и какое-то время, молча, наблюдал за происходящим.

Затем решив, что настало время действовать, Морпун прежде всего велел женщинам, находившимся около больного (и, как можно догадаться, выразившим свое сочувствие громкими воплями и причитаниями), отойти подальше.

Когда Мукалакки в очередной раз вскочил, потому что «змея кульоаньо снова вылезла у него изо лба и стала глядеть ему в глаза», Морпун, подойдя вплотную к больному, внезапным движением схватил «змею» за голову.

Никто, кроме него и Мукалакки, не мог этого видеть. Морпун держал «змею» очень крепко и осторожно «разматывал» ее, освобождая

тело Мукалакки. Когда эта операция была успешно закончена, Морпун «свернул змею кольцами и положил себе в сумку».

Вскоре Мукалакки ощутил большое облегчение, он смог свободно дышать, потом уснул. Знахарь провел ночь на стоянке больного и на следующий день ушел в «свою страну». «Дух кульоаньо» он унес с собой, чтобы далеко в горах выпустить его в один из водоемов со словами: «Лежи на дне, не возвращайся назад».

С тех пор кульоаньо не тревожил Мукалакки, но он пережил огромное потрясение и был уверен, как и все остальные свидетели этого происшествия, что если бы не Морпун, он бы умер [Артемова О.Ю., 1987, с. 154–155].

Перед нами — великолепная демонстрация естественной театрализации жизни, а также использования театральных техник в знахарском ремесле, демонстрация силы «внушения», вирусной природы попадания «психической заразы» в страдальца и героического его исцеления не менее мощным манипуляционным воздействием.

Но кто сказал, что с укреплением цивилизации, развитием «меметической» внутренней культуры человечество освободилось от древних психических пут, которые много времени назад мгновенно поражали и парализовывали сознание аборигена одним только намеком, лаем собаки, злобным взглядом в его сторону?

Судя по скорости распространения «токсичных мемов», психической заразы в общественной среде, сила внушения и самовнушения осталась по-прежнему мощной, артистичной и прагматичной.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что у внушения есть определенный вирусный потенциал. А поскольку театральность как механизм адаптации стремится использовать возможности внушения для достижения цели, можно предположить и некоторые проявления вирусного потенциала у самой театральности.

Выводы

1. Театральность, предположительно, есть элемент психической природы человека с ярко выраженной социальной, коммуникативной, социокультурной направленностью.

2. Театральность складывается как сложный самоорганизующийся механизм выживания и

адаптации человека к внешним и внутренним вызовам.

3. Среди элементов театральной природы человека можно выделить такие элементы, как притворство, представление, манипуляцию, артистизм, хитрость, прагматизм, внушение.

4. Игра и театральность как феномены тесно переплетены между собой, но не равны друг другу.

5. Игра не предполагает нарушения правил, в то время как театральный человек нарушает правила тогда, когда это ему нужно.

6. Внушение предстает как феномен, крайне распространенный в общественной среде.

7. Внушение обладает вирусным потенциалом, является «психической заразой» для мозга.

8. Театральный человек стремится использовать внушение для достижения целей, в связи с чем сама театральная природа приобретает вирусный потенциал.

Научный потенциал

Исследование проблемы «театрального человека» представляется весьма перспективным, однако есть и существенные трудности. Во-первых, сложно обозначить границы театральной природы человека. Понятие «театральность» выглядит пока весьма размытым понятием. Театральность можно перепутать с игрой, театральным расстройством личности и т.д.

Во-вторых, как правило, авторы научных работ о театральном поведении человека и общества ограничиваются описанием примеров театрализации, не предлагая осмыслить суть самого феномена «театральный человек». Есть много исследований по психиатрии и психологии, посвященных ряду патологий, ассоциирующихся с театральностью, однако профессиональный диапазон изучения психологическими науками и ограничивается. Не хватает междисциплинарного подхода к данной проблеме, где театральный человек исследовался бы многоаспектно: на биологическом, социокультурном, психологическом, аксиологическом уровнях.

Результаты такой работы могли бы принести пользу для философских наук, наук о человеке, для развития междисциплинарного подхода к исследованию человека как сложной, самоорганизующейся системы. Результаты нашего исследования расширяют представления о человеке как философской проблеме.

Первые его результаты, посвященные исследованию феномена театральности, были апробированы в сборнике трудов конференции «Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 531». Научная статья «Размышления о театральности природы человека: внушение и его скрытый потенциал» выступает как обновленный и углубленный вариант проводимого исследования, которое предполагается продолжить.

Список литературы

Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в ранне-первобытной общине (по австралийским этнографическим данным) / Академия наук СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1987. 200 с.

Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. 3-е изд., знач. доп. СПб.: К.Л. Риккер, 1908. 175 с.

Деннетт Д. Опасные мемы и эволюция культуры: как не стать носителем паразитирующих идей // Моноклер. 2020. URL: <https://monocler.ru/opasnyie-memyi-i-evolyutsiya-kulturyi/> (дата обращения: 29.01.2022).

Докинз Р. Эгоистичный ген / пер с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ: Corpus, 2016. 512 с.

Евреинов Н.Н. Демон театральности / сост., общ. ред. и коммент. А.Ю. Зубкова, В.И. Максимова. М.; СПб.: Летний сад, 2002. 535 с.

Иванников В.А. О природе и происхождении психики. // Национальный психологический журнал. 2015. № 3(19). С. 15–23. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0302>

Кайюа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2007. 304 с.

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения: пер. с нем. СПб.: Наука, 1999. 471 с.

Сидис Б. Психология внушения / предисл. У. Джемса; пер. с англ. М. Колоколова. СПб.: Изд. Б.Н. Звонарева, 1902. 398 с.

Сморodinцев А.А., Смородиnceва Е.А. Сражение с невидимками или борьба за жизнь. СПб.: Н-Л, 2011. 208 с.

Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. В. Ошиса. М.: АСТ, 2004. 540 с.

Финк Е. Основные феномены человеческого бытия / пер. с нем. А.В. Гараджа, Л.Ю. Фуксон. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. 432 с.

Mick-Evans K. One Does Not Simply Preserve Internet Memes: Preserving Internet Memes Via Participatory Community-Based Approaches: Master of Arts Thesis. 2019. URL: <https://www.researchgate.net/publication/334052666> (accessed: 29.01.2022). DOI: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.18093.54240>

Nissenbaum A., Shifman L. Meme Templates as Expressive Repertoires in a Globalizing World: A Cross-Linguistic Study // Journal of Computer-Mediated Communication. 2018. Vol. 23, iss. 5. P. 294–310. DOI: <https://doi.org/10.1093/jcmc/zmy016>

Rakhimova M.V. Is There a Viral Potential in «Suggestion» as a Quality of Theatrical Human Nature? // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 531: Proceedings of the Conference on Current Problems of Our Time: the Relationship of Man and Society (CPT 2020). Yakutsk: Atlantis Press, 2021. P. 45–51. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/cpt-20/125953289> (accessed: 29.01.2022). DOI: <https://doi.org/10.2991/assehr.k.210225.009>

Получена: 01.02.2022. Принята к публикации: 30.04.2022

References

Artemova, O.Yu. (1987). *Lichnost' i sotsial'nye normy v ranne-pervobytnoy obschine (po avstraliyskim etnograficheskim dannym)* [Personality and social norms in the early primitive community (according to Australian ethnographic data)]. Moscow: Nauka Publ., 200 p.

Bekhterev, V.M. (1908). *Vnusheniye i ego rol' v obschestvennoy zhizni* [Suggestion and its role in public life]. St. Petersburg: K.L. Rikker Publ., 175 p.

Dawkins, R. (2016). *Egoistichnyy gen* [The selfish gene]. Moscow: AST Publ., Corpus Publ., 512 p.

Dennett, D. (2020). *Opasnye memy i evolutsiya kul'tury* [Dangerous memes and the evolution of culture]. *Monokler*. Available at: <https://monocler.ru/opasnyie-memyi-i-evolyutsiya-kulturyi/> (accessed 29.01.2022).

Evreinov, N.N. (2002). *Demon teatral'nosti* [The demon of theatricality]. Moscow, St. Petersburg: Letniy Sad Publ., 535 p.

Fink, E. (2017). *Osnovnyye fenomeny chelovecheskogo bytiya* [The main phenomena of human existence]. Moscow: Kanon+ Publ., ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 432 p.

Huizinga, J. (2004). *Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens. In the shadow of tomorrow]. Moscow: AST Publ., 540 p.

Ivannikov, V.A. (2015). [On the nature and origin of the human psyche]. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal* [National Psychological Journal]. No. 3(19), pp. 15–23. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0302>

Kant, I. (1999). *Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya* [Anthropology from a pragmatic point of view]. St. Petersburg: Nauka Publ., 471 p.

Kayua, R. (2007). *Igry i Lyudi; Stat'i i Esse po sotsiologii kul'tury* [Games and people; Articles and essays on the sociology of culture]. Moscow: OGI Publ., 304 p.

Mick-Evans, K. (2019). *One does not simply preserve Internet memes: Preserving Internet memes via participatory community-based approaches: master of arts thesis*. Available at:

<https://www.researchgate.net/publication/334052666> (accessed 29.01.2022). DOI:

<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.18093.54240>

Nissenbaum, A. and Shifman, L. (2018). Meme templates as expressive repertoires in a globalizing world: across-linguistic study. *Journal of Computer-*

Mediated Communication. Vol. 23, iss. 5, pp. 294–310. DOI: <https://doi.org/10.1093/jcmc/zmy016>

Rakhimova, M.V. (2021). Is there a viral potential in «suggestion» as a quality of theatrical human nature? *Advances in social science, education and humanities research. Vol. 531: Proceedings of the conference on current problems of our time: the relationship of man and society (CPT 2020)*. Yakutsk: Atlantis Press, 2021, pp. 45–51. Available at: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/cpt-20/125953289> (accessed: 29.01.2022). DOI: <https://doi.org/10.2991/assehr.k.210225.009>

Sidis, B. (1902). *Psikhologiya vnusheniya* [Psychology of suggestion]. St. Petersburg: B.N. Zvonarev Publ., 398 p.

Smorodintsev, A.A., Smorodintseva, E.A. (2011). *Srazhenie s nevidimkami ili bor'ba za zhizn'* [The battle with the stealth or fight for life]. St. Petersburg: N-L Publ., 208 p.

Received: 01.02.2022. Accepted: 30.04.2022

Об авторе

Рахимова Майя Вильевна

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой, доцент кафедры социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин

Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского, 454091, Челябинск, ул. Плеханова, 41; e-mail: mayesta@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5343-748X>
ResearcherID: AAD-5419-2022

About the author

Maya V. Rakhimova

Candidate of Philosophy, Docent, Head of the Department, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Psychological-Pedagogical Disciplines

South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky, 41, Plekhanov st., Chelyabinsk, 454091, Russia; e-mail: mayesta@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5343-748X>
ResearcherID: AAD-5419-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Рахимова М.В. Размышления о театральной природе человека: внушение и его скрытый потенциал // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 242–253. DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-242-253](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-242-253)

For citation:

Rakhimova M.V. [Reflections on the theatrical nature of a human being: suggestion and its hidden potential]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 2, pp. 242–253 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-242-253](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-242-253)